

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЭТНОГЕНЕЗ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

J. Angere, *Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der Sprachlichen Urverwandschaft*, Stockholm, 1956, 242 стр.

Проблема юкагиров и их отношения к народам финно-угро-самоедской и алтайской языковых семей, с одной стороны, и к палеоазиатам — с другой, имеет актуальное значение для современных антропологических, этнографических и лингвистических исследований по проблеме этногенеза народов Северной Азии. Большие исследования в этом плане в СССР проводятся антропологами, археологами и частично этнографами-лингвистами¹. Зарубежные финно-угроведы разрабатывают эту проблему преимущественно по линии сравнительно-лингвистического изучения.

Привлечение данных палеоазиатских языков при сравнительном изучении финно-угорских языков производилось еще в прошлом веке; например, Андерсон² использовал личные местоимения юкагирского языка, Винклер³ отметил, что, несмотря на различия, между урало-алтайскими и палеоазиатскими языками есть и большое сходство, что, по его мнению, не исключает отдаленного родственного соотношения между ними. Правда, позднее на основании сравнительного изучения синтаксиса урало-алтайских и юкагирского языков он пришел к отрицанию прежде высказанного положения. Леви в одном из своих исследований добавил еще некоторый общий материал (22 слова)⁴.

Вопрос об отношении палеоазиатских языков к урало-алтайским был поднят зарубежными учеными еще в 1920-х годах⁵. В 1939 г. Б. Коллиндер на V Международном лингвистическом конгрессе в Брюсселе первым выступил с докладом, в котором, на основании сравнительного изучения грамматики и лексики юкагирского и финно-угро-самоедских языков, пришел к выводу, что эти языки близко родственны и образуют древнее единство⁶. Позднее он, изучив глубже общность между юкагирским и самоедским языками и принимая существующую точку зрения Кай Доннера о «прародине» финно-угров к западу от северного и среднего Урала, высказал гипотезу, что юкагиры были первой уралоязычной волной, вышедшей в тундры Сибири, и что самоеды были их первыми соседями⁷.

После первых работ Коллиндера в различных журналах появились статьи, в большей или меньшей степени привлекающие данные палеоазиатских и юкагирского языков⁸.

¹ Е. А. Крейнович в своей работе «Система морфологического выражения логического ударения в юкагирском языке» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 7, М., 1955) отметил общность указанного выражения в юкагирском и самоедских языках. Во введении к своей грамматике юкагирского языка (печатается) он отмечает древнюю языковую близость юкагирского с монгольским.

² A. Anderson, *Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen*, Dorpat, 1879.

³ H. Winkler, *Ural-altaische Völker und Sprachen*, Berlin, 1884.

⁴ «Ungarische Jahrbücher», Bd. 8, стр. 287.

⁵ A. Sauvageot, *Eskimo et Ouralien*, «Journal de la Société des américanistes», Paris, 1924.

⁶ B. Collinder, *Zu den externen Verwandtschaftsverhältnissen der uralischen Sprachfamilie*, «V Congrès International des Linguistes, Résumés des Communications», Bruges, 1939.

⁷ B. Collinder, *Jukagirisch und Uralisch*, «Recueil des travaux publiés par l'Uppsala Universitets Arsrift», 1940, 8, стр. 108.

⁸ K. Bouda, *Die finnisch-ugrisch-samoedische Schicht des Jukagirischen*, «Ungarische Jahrbücher», Bd. 20, Berlin, 1940; ег о же, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der tschuktschischen Sprachgruppe*, «Acta Salmaticensia», V, Universidad de Salamanca, 1951—1952; J. Angere, *Das Verhältniss der tschuktschischen Sprachgruppe zu dem uralischen Sprachstamme*, Uppsala, 1951.

Рецензируемая работа И. Ангере представляет собою углубление труда Коллиндера в области сравнительного изучения финно-угро-самоедских и юкагирского языков, с привлечением всех уже опубликованных материалов по сравнительному изучению языков урало-алтайских с индоевропейскими и палеоазиатскими (чукотским и корякским) языками. Автор предварительно сам провел сравнительное изучение языков уральской семьи с чукотско-корякскими.

В его работе использован весь текстовый и словарный материал Иохельсона⁹ и лексический материал Матюшкина¹⁰ и А. В. Старчевского¹¹, но почему-то не указаны материалы Майделя¹².

Цель труда И. Ангере — подтвердить дополнительными материалами гипотезу о древней языковой общности юкагиров и народов, говорящих на языках финно-угро-самоедской семьи.

Автор исходит из правильного положения, что разрешить вопрос этногенеза можно лишь совместными усилиями антропологов, лингвистов, археологов, этнологов и историков. Но, будучи лингвистом, в анализ работ и материалов археологов, антропологов и этнографов он не вдается, хотя и предваряет свое лингвистическое исследование большой главой (13—48 стр.), в которой перечисляет все результаты работ антропологов и археологов и все точки зрения на «прародину» групп, говоривших на урало-алтайском и уральском языках-основах. В этой же главе им приведены сюжеты финно-угорского фольклора, перекликающиеся с юкагирскими. Он приходит к выводу, что ни одна из этих гипотез не противоречит факту наличия общности между юкагирским и уральскими (финно-угро-самоедскими) языками.

Лингвистическая часть работы состоит из трех разделов: финно-угро-самоедско-юкагирские соответствия в морфологии и словарном запасе (стр. 49—121); учение о звуках (стр. 121—131) и сравнение юкагирского и финно-угро-самоедского синтаксисов (стр. 213—217). В заключении (стр. 218—231) он разбирает гипотезы предшественников. К работе приложена библиография (179 названий).

И. Ангере делает следующие выводы:

1) родство между юкагирским языком и языками уральской семьи может быть признано с оговоркой, потому что такое же родство языков уральской семьи обнаруживается с языками алтайской и индоевропейской семей, а также с чукотским языком;

2) проблема древнего родства языков не может быть разрешена без учета этнографических и археологических фактов;

3) если признавать древнее родство между языками корейским и алтайской семьи, то нельзя отрицать такого же родства между языками юкагирским и уральской семьи.

Основная ценность работы И. Ангере, по нашему мнению, заключается в том, что приводимые материалы и их анализ доказывают, что юкагирский язык относится к агглютинативным языкам, какими являются урало-алтайские языки. Это выводит юкагиров и их язык из группы палеоазиатских народов.

Мы полагаем, что одним из позднейших явлений было взаимодействие юкагирского языка с тунгусскими языками: возможно, некоторые северо-восточные говоры эвенков (тунгусов и ламутов XVII в.) под влиянием юкагирского языка постепенно превратились в современный эвенский язык. Поэтому следовало бы сравнить морфологические элементы и лексику юкагирского и тунгусских языков.

Из приведенных в работе морфологических элементов (общих для юкагирского и финно-угро-самоедских языков), нам кажется, стоят ближе к тунгусским, чем к уральским языкам, следующие.

На стр. 64—66 автор, рассматривая локативные падежи (отложительный — *аблатив* и продольный — *пролатив*), отмечает наличие суффикса отложительного падежа *-т* в юкагирском (северный диалект) и приводит точки зрения Коллиндера об общности суффикса отложительного падежа (*-та*) уральских языков с локативным суффиксом (*-да // -та*) алтайских языков и об общности юкагирского *-т* с уральским *-та*, а также указание Вилкунда¹³ и Сэтэлэ¹⁴ на связь с индоевропейским (*-ð*).

⁹ «Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Якутской экспедиции В. И. Иохельсоном», «Известия Академии наук», 5 серия, г. IX, № 2, СПб., 1898; В. И. Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, СПб., 1900; е го же, Essay on the grammar of the Yukaghir languages, «Academy of Sciences Annals», 16, New York, 1905; е го же, The Yukaghirs and the Yukaghirized Tungus, «Memoirs of the American Museum of Natural History», IX, New York, 1926.

¹⁰ «Прибавление к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией, состоявшейся под начальством флота лейтенанта Ф. Врангеля. Собрание слов чуванского и омокского языков, составленное мичманом Матюшкиным», СПб., 1841.

¹¹ А. В. Старчевский, Проводник и переводчик по отдаленным окраинам России, т. II, СПб., 1889.

¹² A. Schiefner, Über die Sprache der Yukagiren, «Mélanges Asiatiques», 3, St. Pet., 1859; е го же, Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache, «Mélanges Asiatiques», 6, St. Pet., 1871.

¹³ «Le Monde Orientale», I, Uppsala.

¹⁴ E. N. Setälä, Zur Frage nach Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen, «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXX, 5, Helsinki, 1913—1918.

Локативный показатель (-*да* ~ -*ду* // -*та* ~ -*ду*) как окончание наречий или один из суффиксов локативных падежей действительно наследован указанными языковыми семьями от еще более древних языков. Но в данном случае -*та* характерен для северных юкагирских говоров, которые значительно тунгусизированы (в южных говорах ему соответствует -*ге* ~ -*го*). Нам кажется, более правильным будет объяснение его происхождения из тунгусских языков, хотя -*та* // -*да* в финно-угро-самоедских языках и обозначает отложительный падеж.

Элемент -*ге* в местном (локатив), в продольном (пролатив -*ге* + *н*), в отложительном (аблатив -*ге* + *т*) и в сравнительном (компаратив -*ге* + *те*) падежах нам кажется правильнее сравнить с тунгусским — *ги*, чем с финно-угро-самоедским коаффиксом -*ка*. В тунгусо-маньчжурских языках элемент -*ги* со значением места проявляется в ряде случаев: в словообразовании (в эвенкийском: *бар* + *ги* «противоположное место», *у* + *ги* «верх», *хэр* + *ги* «низ», *амар* + *ги* «задняя нога», *дюлэ* + *ги* «передняя нога»); в суффиксе (-*ги* + *да*) со значением «сторона», имеющемся и в юкагирском (см. стр. 100 *мэ* + *гида* «сюда», «в мою сторону»), а также в суффиксе исходного (элатив) падежа (-*ги* + *т* ~ -*ги* + *ди*). Значения отложительного и исходного падежей очень близки, поэтому возможно, что тунгусский суффикс -*гит* (элатив) в юкагирском превратился в -*гет* (аблатив). В отдельных говорах эвенкийского этот суффикс сохранился и в более ранней форме с конечным -*н* (*кира* «край», *кира* + *гин* «берег») ¹⁵.

Суффикс сравнительного падежа юкагирского языка (-*ге* + *те*), нам кажется, не связан своим происхождением с локативными падежами. Он также стоит ближе к тунгусскому сравнительному суффиксу -*га* + *чин* ~ -*гэ* + *чин* ¹⁶ (буквально «подобие имеющий»), который в слове занимает место между основой и падежным суффиксом.

Трудно согласиться с предположением автора, что юкагирский суффикс совместного (комитатив) падежа (-*на*), как и в уральских языках, восходит к древнему локативу -*на*. И в этом случае нам кажется правильнее сравнивать его с выражением совместности (-*нан*) в тунгусских языках (которые имеют, кроме того, совместный падеж -*нун*, -*гали*); суффикс -*нан* в эвенкийском оформляет имена, выражающие родственные и близкие отношения, поэтому после этого суффикса не добавляется посевивный аффикс (*ами* + *нан* «с отцом», *гирки* + *нэн* «с товарищем»).

На стр. 89 автор рассматривает форманты множественного числа финно-угорских языков (-*с*, -*т*, -*н*) и выражает некоторое удивление, что их нет в юкагирских, хотя они имеются в чукотско-корякских языках. Суффикс -*т*, как правильно отметил Рамстедт, является общим для языков уральской и алтайской семей ¹⁷. Этот суффикс, так же как и местоименные корни 1 и 2 лица (*м V н*, *т V н* // *с V н* > -*м*, -*т* // -*с*), наследованы разными языковыми семьями и группами от языков глубокой древности. Можно думать, что значение множественного числа суффикс -*т*, подобно суффиксам -*с* // -*з*, -*л*, -*р*, получил через добавление его к имени главы рода, которое в дальнейшем развитии стало названием рода, племени и народа.

На стр. 100 автор рассматривает повелительные формы (императив) юкагирского языка (3 л. ед. ч.—*ген*; 2 л. ед. ч.—*гек*; 1 л. ед. ч.—*ге*, буд. вр.) и, по-видимому, соглашается с Коллиндером, что юкагирское -*ге* одного происхождения с уральским -*к*. Нам кажется, правильнее этот элемент сопоставлять с тунгусским -*гин* > -*ги* (> -*к* перед глухими согласными). Суффикс -*гин* как оформитель 2 или 3 лица в единственном числе характерен не только для тунгусо-маньчжурских (3 л. ед. ч. эвенк., эвенск., негид.—*гин*, нанайск.—*гини*, ульчск.—*дини*, маньчж.—*кини*), но и для палеоазиатских: чукотск. 3 л. ед. ч.—*ги* ~ -*гын* при префиксе *кы*-; корякск.—*ге* ~ -*гин*. Элемент -*г* в значении повелительности сохранился и в монгольских (бурятск. 3 л. ед. ч.—*г*, 2 л. мн. ч.—*г* + *тин*; монг. 2 л. мн. ч.—*г* + *тун*). Древний уральский элемент -*к* императива правильнее сравнить с тунгусским суффиксом 2 л.: ед. ч.—*кал*, мн. ч.—*кал* + *су* > -*каллу*, который имеет отличное от -*гин* происхождение.

На стр. 101—102 автор рассматривает отрицание *ел*-, *еле*- в юкагирском, сравнивая его с финно-угорским глаголом отрицания *э* ~ *о* ~ *у* ~ *е* ~ *а*-. В примеч. 16 мы указали корень отрицания в тунгусо-маньчжурских языках (*э*-, *а*-). Этот корень проявляется и в монгольских языках (*эс*, *эсэ*, *у*- в отрицании — *у-гей*), а из тюркских языков — в чувашском (*ан*), в телеутском и алтайском (*а* + *мас*); следовательно, корень отрицания **e* (+ *ле*) более древнего происхождения.

И. Ангер проделал большую и важную работу, имеющую существенное значение для проблемы ранних этапов этногенеза как финно-угро-самоедов, так и юкагиров. Но

¹⁵ В говорах эвенкийского языка можно найти ранние формы всех односложных суффиксов с конечным -*н*.

¹⁶ Тунгусский суффикс -*чи* < -*чин* («иметь», «имение», «имеющий») проявляется как суффикс обладания (*дю* + *чи* «дом имеющий»), как формант имени отрицания предмета (*а* + *чин* «не иметься», «не имеющий», «не существующий»), имени отрицания действия (*э* + *чин* «не иметь» какого-либо действия) и как формант суффикса сравнения (-*га* + *чин* «подобие имеющий», «как», «подобный»).

¹⁷ Хотя нельзя согласиться с Рамстедтом (см. «Einführung in die altaische Sprachwissenschaft», «Mém. de la Société Finno-Ougrienne», 104, 2, Helsinki 1952, стр. 55) в том, что тунгусский -*р* заменил древний -*д*, ибо в отдельных говорах эвенкийского -*р* употребляется наравне с -*л*. А суффикс -*л* оформляет множественное число названий некоторых родов наравне с суффиксом -*т* (*Бута* — ед. ч.; *Бутал*, или *Бутат* мн. ч.).

нам кажется, что для дальнейшего исследования в этой области большую помощь может оказать привлечение материалов тунгусских языков и в частности говоров эвенкийского языка, в которых сохранилось много архаизмов, относящихся не только к древней алтайской языковой общности, но и к урало-алтайской. Вместе с тем это поможет и определению места юкагирского языка в системе агглютинативных языков. Поэтому мы можем высказать пожелание, чтобы И. Ангере продолжил начатое исследование и внес еще больший вклад в коллективное разрешение проблемы этногенеза народов Северной Азии.

Г. Василевич

НАРОДЫ СССР

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ

В 1957 г. в Киеве начал выходить журнал «Народна творчість та етнографія», издаваемый Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук и Министерством культуры Украинской ССР. Появление нового периодического издания, посвященного вопросам этнографии и народного творчества, можно всячески приветствовать.

Украинские этнографы и фольклористы первыми получили свой специальный периодический орган, и это не случайно. Украинская этнография имеет давние богатые традиции — о них вполне уместно напоминает в статье, открывающей новый журнал. Передовые украинские ученые, работавшие в тесном контакте с русскими учеными, собрали значительные материалы по быту, духовной культуре и поэтическому творчеству украинского народа; выходили на Украине и периодические этнографические издания.

Однако после 1930 г., когда перестал выходить «Етнографічний вісник», украинские этнографы не имели своего печатного органа, да и этнографические исследования одно время были почти прекращены. Работа велась преимущественно по собиранию и изучению народного поэтического творчества, которому и был посвящен журнал «Український фольклор» (с 1939 г. — «Народна творчість»). Прекращенный изданием с начала войны, журнал не был возобновлен, хотя фольклористы и продолжали работать весьма активно. Заметно начала оживляться и этнографическая работа, размах которой все увеличивается. Выход специального журнала свидетельствует о высоком уровне, которого к настоящему времени достигла на Украине работа в области этнографии, фольклора и народного искусства. Журнал отвечает назревшей потребности; он дает возможность своевременно знакомить научную общественность с проводимой работой и ее важнейшими результатами, обсуждать встающие теоретические проблемы, обмениваться опытом.

Программа нового журнала намечена довольно широкая. Он должен освещать работу в области этнографии и народного искусства — словесного, музыкального, хореографического, изобразительного. Основное внимание в журнале, как заявляется в передовой, будет уделяться освещению современности, изучению тех процессов, которые происходят в быту и культуре трудящихся городов и сел Украины. Содержание первого номера достаточно разнообразно и интересно. В статье К. Г. Гуслистого «Всесоюзное этнографическое совещание 1956 г. и вопросы развития украинской этнографии» намечаются задачи, стоящие перед украинскими этнографами. Основной темой, над которой они сейчас работают, является монография «Українці». Это будет первый обобщающий труд по этнографии украинского народа, написанный с марксистских позиций. Большое научное значение будет иметь и историко-этнографический атлас, к составлению которого украинские этнографы приступают.

Одной из центральных проблем советской этнографии является изучение культуры и быта рабочих. Этой теме посвящена статья А. С. Куницкого «К изучению рабочего быта на Украине». Украинские этнографы одними из первых включились в разработку этой сложной и малоработанной еще тематики, и сейчас ими уже накоплен значительный материал и опыт. Поэтому было бы очень желательно, чтобы после статьи А. С. Куницкого, рассказывающего, как подходят украинские этнографы к изучению культуры и быта рабочих, журнал опубликовал статьи по отдельным конкретным вопросам. По-видимому, редакция так и намерена поступить — во втором номере публикуются статьи по этой проблеме: В. Т. Зинича о современном браке и свадьбе у рабочих, М. П. Приходько — о жилище рабочих Донбасса и А. Я. Порицкого — об артелях сельскохозяйственных рабочих на Украине в конце XIX — начале XX в.¹ Публикуя материалы по различным сторонам культуры и быта рабочих, журнал делает весьма полезное дело, способствуя дальнейшему развитию советской этнографии.

¹ Упомянутые статьи представляют собой, видимо, обработку для печати докладов, зачитанных авторами на совещании по этнографическому изучению рабочих, проходившему в мае 1957 г. в Институте этнографии АН СССР в Москве (см. выше хроникальную заметку об этом совещании).